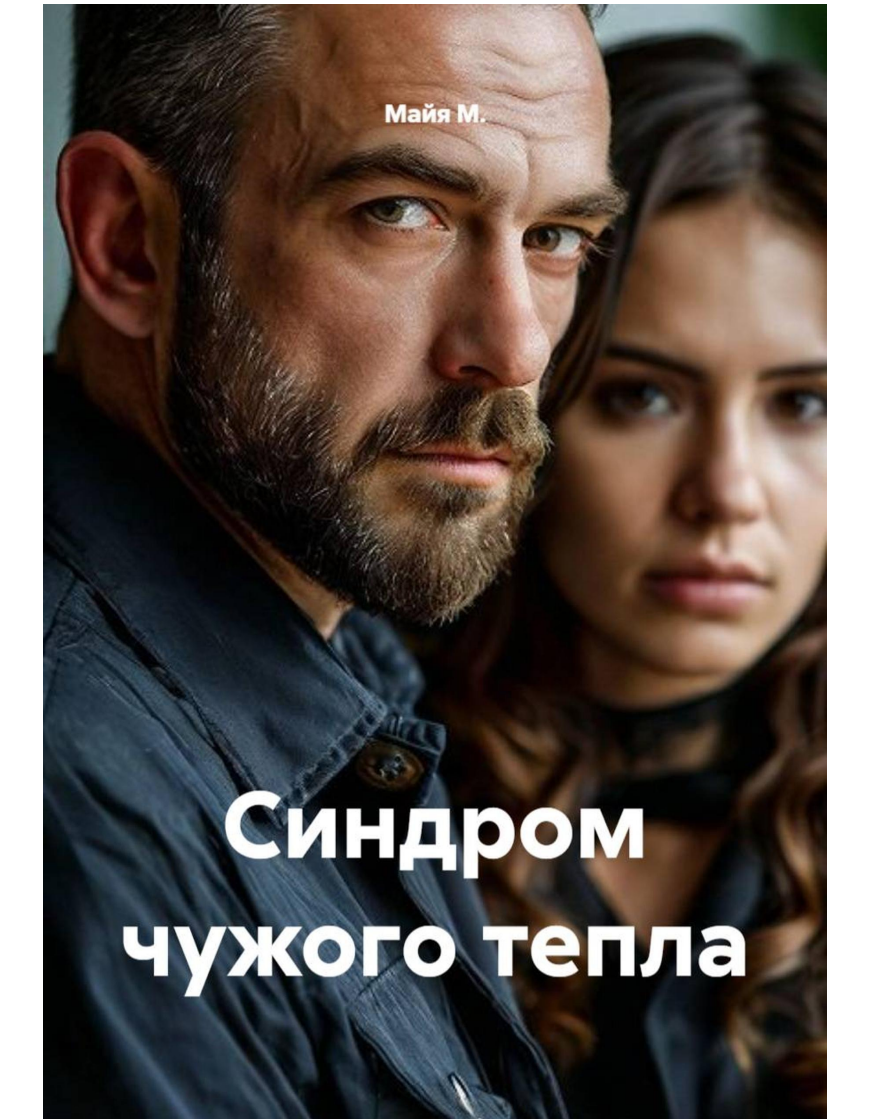

Майя М.

Синдром чужого тепла

Майя М.

Синдром чужого тепла

<https://litres.ru/74296124>

SelfPub; 2026

Аннотация

Клинический психолог Вера Калинина получает задание провести экспертизу Артура Штерна, осужденного за убийство бывшей невесты. Он утверждает, что его подставили, и вскоре профессиональные сессии перерастают в опасную эмоциональную связь. Вера оказывается между долгом и чувством, пытаясь понять: она влюбилась в невиновного или стала жертвой искусной манипуляции? Когда в деле появляется настоящий убийца, героине приходится рискнуть всем — карьерой, репутацией и жизнью, — чтобы докопаться до истины. Романтическая драма о том, как любовь рождается там, где, казалось, не могло быть ничего, кроме тьмы.

Содержание

Глава 1. Комната с приглушенным светом	4
Глава 2. Тень на балконе	23
Глава 3. Следы на стекле	50
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Майя М.

Синдром чужого тепла

Глава 1. Комната с приглушенным светом

Свет в коридоре исправительной колонии особого режима всегда был мертвенно-бледным. Он не падал, не лился — он сочился сквозь матовые плафоны, словно вытяжка из больничной палаты, смешанная с бетонной пылью. Вера Андреевна Калинина шла по этому коридору уже в сто тридцать седьмой раз, и каждый раз ее шаги звучали одинаково: короткий удар каблука, эхо, снова удар. Ритм, который она ненавидела, но к которому привыкла, как привыкают к шраму на собственном теле. Сегодня было двадцать третье февраля. За окнами, спрятанными где-то за чередой решетчатых тамбуров, лежал снег, но здесь, внутри, царила вечная зима с температурой плюс восемнадцать по Цельсию и запахом хлорки, перебивающим все живое.

Конвоир, молодой лейтенант с румянцем, неестественным для этого места, шел чуть впереди и слева. Он всегда старался идти именно так, чтобы видеть ее профиль. Вера знала это. Она знала много такого, о чем люди предпочитали

не говорить вслух. Она замечала, как напрягается его шея, когда он косится на линию ее скул, как он чуть замедляет шаг у поворота, чтобы продлить эти несколько секунд, когда они идут почти рядом. Это было невинно, почти трогательно, если бы не место действия. Вера могла бы сказать ему, что его интерес продиктован не ее красотой, а банальным дефицитом женского присутствия в его профессиональной среде, но она промолчала. Зачем лишать человека иллюзий? В конце концов, она сама шла сюда за очередной порцией лжи.

— Сегодня вам принесли дополнительные материалы, — сказал лейтенант, нажимая кнопку переговорного устройства у массивной железной двери. Голос его дрогнул. — Тяжелая коробка. Канцелярия расписалась, все проверили.

— Благодарю, Андрей Витальевич, — ответила Вера, и его имя, произнесенное ее низким, чуть грудным голосом, заставило его покраснеть еще сильнее. Это было ее оружием, старым, как мир, но все еще эффективным. Вежливость, облеченная в форму личного обращения. Она не флиртовала. Она устанавливала дистанцию, парадоксально сокращая ее.

Дверь с тяжелым гулом отворилась, впуская их в блок для психологической работы. Это была особая зона, компромисс между тюрьмой и лабораторией. Никаких голых стен с облупившейся краской. Здесь стены были затянуты тканью песочного цвета, на полу лежал мягкий, хоть и казенный, ковролин, приглушающий шаги. Свет стал теплее, имитируя естественный, дневной. Здесь заключенные особого кон-

тингента на час-полтора переставали быть просто номерами и становились объектами изучения. Или субъектами? Этот философский вопрос Вера решала для себя каждый раз, переступая порог своего кабинета.

Кабинет был ее гордостью, ее маленьким королевством в аду. Два мягких кресла, стоящих друг напротив друга под углом в сорок пять градусов. Никакого барьера в виде стола между ней и пациентом — это было ее принципиальным условием. Только стеклянный кофейный столик с неизменным графином воды и двумя стаканами. На стене — репродукция Куинджи «Лунная ночь на Днепре». Вера повесила ее специально. Зыбкий, обманчивый свет, размывающий границы между водой и небом, реальностью и миражом, идеально подходил для разговоров с людьми, чья личность была такой же зыбкой и обманчивой. На стеллаже у окна, забранного решеткой, скрытой за легким тюлем, стояли книги. Не бутафория, а настоящие труды по психиатрии, криминалистике, нейробиологии. И одна маленькая фотография в деревянной рамке. На ней Вера, совсем еще юная, смеющаяся, стояла в обнимку с отцом на фоне Байкала. Это был ее якорь, ее напоминание о том, что существует мир, где нет лицевых дуг Беттса и шкал психопатии Хэра.

Она прошла к своему креслу, поправила подушку и села, расправив юбку-карандаш темно-синего цвета. Лейтенант замер у двери, ожидая распоряжений. Он никогда не покидал пост, пока не убеждался, что она в безопасности.

Хотя о какой безопасности могла идти речь, когда в двух метрах от нее будет сидеть человек, осужденный за зверское убийство? Безопасность здесь была такой же иллюзией, как и лунный свет на картине Куинджи.

— Можете приглашать, — произнесла Вера, открывая папку с делом. На обложке, под грифом «Особо опасен», значилось: «Штерн Артур Давидович, 1984 г.р.». Под скрепкой — пожелтевшая фотография из личного дела. Красивое, породистое лицо с холодными, светлыми глазами. Вера знала, что сейчас откроется дверь и войдет он. Ее сердце, против всех правил профессиональной деонтологии, сжалось в тугой, горячий комок.

Три месяца. Прошло три месяца с их первой встречи, а она так и не смогла понять природу этого сердцебиения. Это был страх? Не совсем. Предвкушение? Слишком постыдное слово для клинического психолога. Скорее, это было похоже на чувство укротителя, входящего в клетку к тигру, с которым у него установилась особая, никому не ведомая связь. Ты знаешь, что зверь опасен, что он может убить одним движением лапы, но ты так долго смотрел ему в глаза, что начал видеть в них нечто большее, чем инстинкт. Ты начал приписывать ему душу.

Дверь открылась. В кабинет вошел Артур Штерн.

Он был в стандартной робе, но даже эта грубая, серая ткань не могла скрыть того, что природа и гены вложили в его осанку. Высокий, поджарый, он двигался с грацией пан-

теры, если уместно сравнивать человека, закованного в наручники, с дикой кошкой. Конвоир, что шел за ним, казался громоздким и неуклюжим на его фоне. У Артура были темные, слегка выющиеся волосы, зачесанные назад и открывающие высокий лоб мыслителя, и лицо, которое просилось на полотно караваджиста: резкие тени под скулами, четко очерченный рот, на котором, казалось, навсегда застыла тень полуулыбки. И глаза. Вопреки фотографии, они не были холодными. Они были цвета крепкого чая, темного янтаря, и в них, когда он взглянул на Веру, заплясали золотые искры.

— Здравствуйте, доктор Калинина, — произнес он. Голос у него был глубокий, обволакивающий, с той правильной, интеллигентной артикуляцией, которая в этом месте резала слух сильнее тюремного жаргона. — Рад нашей встрече.

Он всегда это говорил. «Рад нашей встрече». И каждый раз Вера пыталась уловить в этой фразе фальшь, сарказм или заискивание. И не могла. Это звучало просто, по-светски, как если бы они столкнулись в фойе филармонии, а не в комнате для допросов души.

— Здравствуйте, Артур Давидович. Присаживайтесь, — она кивнула на кресло напротив. — Андрей Витальевич, вы можете быть свободны до окончания сессии.

Конвоир снял наручники, и Артур, чуть поморщившись, растер запястья. Это был единственный жест, который он позволял себе, единственная трещина в его броне. Вера знала, что он делает это намеренно. Он показывал ей свою уяз-

вимость, напоминал, что он — жертва системы, человек, которого заковывают в кандалы. Расчетливый, тонкий ход. Или нет? Может быть, она сама додумывает за него, ищет черную кошку в темной комнате, где ее нет? Сомнение было ее профессиональным проклятием.

Он сел в кресло, откинулся на спинку и положил ногу на ногу. Движения были плавными, экономными, полными сдерживаемой силы. Он посмотрел на нее в упор. Вера физически ощутила этот взгляд, словно теплую волну, прокатившуюся по лицу, шее, плечам. Она выдержала его, не отводя глаз. Это была их первая, безмолвная дуэль, ритуал, который повторялся из сессии в сессию.

— Сегодня двадцать третье февраля, — начал он, не дожидаясь ее первого вопроса. Он часто так делал, перехватывая инициативу, задавая тон разговору. — В мужской праздник вы здесь, со мной. Это наводит на мысли, что либо у вас совсем нет личной жизни, либо я для вас — проект особой важности.

Вера внутренне усмехнулась. Удар был нанесен мастерски. Провокация, обернутая в обертку заботы и легкой, ироничной грусти. Он заставлял ее оправдываться, ставил в позицию женщины, у которой что-то не так в личной жизни.

— Вы же знаете, Артур Давидович, что личная жизнь психолога — это миф для его пациентов, — спокойно ответила она. — Сосуд, в который каждый волен налить свое содержание. Если вам угодно считать меня одинокой, я не буду вас

разубеждать. Расскажите лучше, как прошла ваша неделя. Ваше последнее письмо было довольно... эмоциональным.

Она достала из папки сложенный вчетверо лист бумаги. Это была копия. Оригинал, согласно инструкции, был приобщен к делу. Письмо, написанное убористым, почти каллиграфическим почерком. Артур имел право на переписку с ней, как с лечащим врачом, и пользовался этим правом с завидной регулярностью. Его письма были отдельным видом искусства: в них не было прямых угроз или признаний, но каждая строчка дышала такой затаенной тоской, таким глубоким пониманием ее собственных, никогда не произнесенных вслух мыслей, что после их прочтения Вере требовалось несколько минут, чтобы прийти в себя.

— Ах, это, — Артур махнул рукой. — Всплеск рефлексии. Ночью здесь особенно... акустика располагает к внутренним монологам. Я размышлял о природе справедливости. Знаете, это увлекательное занятие, когда твоя судьба — наглядное пособие по ее отсутствию.

— Вы по-прежнему настаиваете на своей полной невинности? — Вера задала этот вопрос ровным, профессиональным тоном, глядя не на него, а на строчки письма.

— Я настаиваю на том, что следствие не доказало моей вины, — поправил он ее мягко, но твердо. — Это разные вещи, доктор Калинина. Вы же знаете разницу между истинной объективной и истиной юридической. Последняя — всего лишь конструкт, слепленный из улики, показаний и настро-

ения присяжных. Я стал разменной монетой в игре, правил которой не знаю до сих пор.

Он говорил об убийстве Ирины Мезенцевой, своей бывшей невесты, так, словно речь шла о неудачном аукционе. Ирина была задушена в собственной квартире два года назад. На ее теле нашли следы борьбы, частицы кожи под ногтями, принадлежавшие Артуру, и его отпечатки на орудии убийства — тонком шелковом шарфе. Мотив — ревность и патологическая страсть. Дело было громким, Артура окрестили «Отелло с Рублевки», и пресса смаковала подробности их романа: ссоры, примирения, измены. Ирина была эффектной блондинкой, дочерью крупного чиновника. Артур — успешным архитектором, баловнем судьбы. Идеальный сюжет для криминальной драмы. Но было в этом деле что-то, что не давало Вере покоя. Какая-то лишняя деталь, какая-то фальшивая нота. Следствие провели быстро, почти демонстративно, словно торопились закрыть гештальт. Штерн не признал вины ни на следствии, ни в суде. Он использовал единственную возможность для апелляции — заявил о невменяемости в момент преступления, совершенного в состоянии аффекта. Ирония заключалась в том, что теперь, чтобы доказать свою невиновность, ему нужно было доказать... что он безумен. Что он мог совершить это, не осознавая. Его адвокаты наняли Веру, лучшего специалиста в области аффективной психопатологии, для проведения независимой судебно-психологической экспертизы, которая

могла бы стать основанием для пересмотра дела.

— Давайте вернемся к моменту, который вы описываете в письме, — Вера отложила листок. — Вы пишете: «В тот вечер я впервые понял, что человека можно любить и одновременно желать ему смерти. Это чувство похоже на огонь, который согревает тебя изнутри, но если дверца печи откроется, он спалит весь дом». Очень поэтичный образ. Что вы имели в виду?

Артур чуть склонил голову набок, изучая ее. Этот жест был каким-то слишком домашним, уютным. Он делал так всегда, когда собирался сказать нечто важное.

— Я говорил о ее власти надо мной, — тихо сказал он. — О власти женщины, которая знает, что ты любишь ее больше, чем себя. Ирина умела любить жадно, испепеляюще. А потом в один миг становилась ледяной. Она могла шептать мне на ухо нежности, а через минуту, не повышая голоса, рассказывать в деталях о своем новом любовнике, наблюдая за моей реакцией. Это был ее наркотик. Моя боль. Я был ее вещью, доктор. Самой любимой, но вещью.

— И вы никогда не пытались разорвать эти отношения?

— Пытался. Трижды. Она возвращала меня. Один раз — угрозами, второй — слезами, третий — просто пришла и легла в мою постель. Я не смог ее прогнать. Я был зависим, я признаю это. Как наркоман, который ненавидит героин, но не может без него жить. Но зависимость и убийство — разные вещи, не так ли? Миллионы мужчин зависимы от стерв,

но они не душат их шелковыми платками.

Он произнес последнюю фразу так буднично, что у Веры по спине пробежал холодок. «Странно, — подумала она. — Он говорит о мертвой женщине «стерва». Никакого уважения к смерти, никакой скорби». Она сделала пометку в блокноте: «Отсутствие эмпатии к жертве. Признаки нарциссической травмы». Но, делая эту запись, она поймала себя на мысли, что завидует. Завидует той женщине, которую любили так сильно, что даже память о ней вызывала эту смесь ненависти и боли. Ее, Веру, никто и никогда не любил так. Ее любили за ум, за надежность, за способность выслушать. Ее любили рассудком, но не той животной страстью, о которой говорил Артур. Она одернула себя. Это было непрофессионально. Опасно.

— Давайте поговорим о дне преступления, — сказала она, меняя тактику. — Двадцать восьмое марта. Вы приехали к ней домой около восьми вечера. Зачем?

Артур глубоко вздохнул. Он всегда делал этот вздох, когда речь заходила о дне убийства. Он как будто собирал себя заново, как сложный механизм, перед тем как прокрутить одну и ту же запись.

— Она позвонила мне сама. Сказала, что нам нужно серьезно поговорить. Голос был... странный. Не истеричный, не злой, а скорее обреченный. Я подумал, что она наконец-то решила отпустить меня. Или, наоборот, поставить ультиматум, который я не смогу принять. Я поехал, как обычно, ку-

пив бутылку ее любимого брьюта. Консьерж внизу подтвердил, что я вошел в подъезд в восемнадцать ноль-семь, камеры это зафиксировали.

— Что было дальше?

— Дверь была приоткрыта. Это меня удивило. Я вошел, позвал ее. В гостиной горел свет, играла музыка. Что-то из классики, кажется, Сати. Я прошел в спальню. Ирина лежала на кровати. Она была... уже мертва.

Он замолчал. Его взгляд остекленел, ушел внутрь себя. Вера знала эту технику. Диссоциация. Человек отделяет себя от травмирующего воспоминания. Идеальная защита, которой пользуются настоящие психопаты. Или люди, пережившие настоящий ужас. Она должна была решить, кто перед ней.

— И что вы сделали? — подтолкнула она его.

— Я бросился к ней. Попытался нащупать пульс. Перевернул ее. Увидел этот шарф, обмотанный вокруг шеи. Я попытался его развязать. Мои руки... я испачкал руки в ее крови, она расцарапала убийцу до меня. Потом я услышал шум, крики. Это соседи, они вызвали полицию из-за шума. И тут я понял. Я понял, как это выглядит. Я стоял над трупом своей любовницы с ее кровью под ногтями и ее шарфом в руках. Идеальная ловушка.

— Следствие утверждает, что шум был результатом вашей ссоры, которая переросла в драку, — заметила Вера.

— Следствие утверждает многое. Но оно не объяснило,

как я умудрился не оставить ни единой царапины на лице и руках, если была такая жестокая драка, что соседи услышали. Они списали это на то, что я был в ярости и не чувствовал боли. Удобно. Аффект — универсальная отмычка для следователя, у которого нет ответов.

Вера отложила ручку. Она смотрела на его руки. Сильные, с длинными пальцами музыканта. Сейчас они спокойно лежали на подлокотниках кресла. Могли ли эти руки с той же грацией, с какой он держит стакан с водой, затянуть смертельный узел на шее женщины? Конечно, могли. Любые руки могут убить. Вопрос был в том, хотели ли они этого.

— Артур Давидович, давайте проведем небольшой эксперимент, — предложила она, вставая. — Закройте глаза.

Он удивленно поднял бровь, но подчинился. Его веки с длинными ресницами сомкнулись. Лицо сразу стало беззащитным, словно с него сняли маску. Вера подошла к окну и чуть раздвинула тюль. В комнату проник тусклый свет зимнего дня.

— Представьте себе, что вы снова там, в той комнате. Только не смотрите на Ирину. Посмотрите по сторонам. Что вы видите? Запахи? Звуки? Медленно, не торопясь.

Она использовала технику когнитивного интервью, погружая его в контекст. Если он лжет, то его ложь будет линейной, лишенной сенсорных деталей. Настоящая память, в отличие от сфабрикованной, полна мелочей.

— Я чувствую запах ее духов, — начал Артур медленно,

чуть хрипловато. — «Шанель Номер Пять». Слишком сладкий для нее, но она любила эту классику. Запах смешивается с другим, металлическим. Кровь. Этот запах ни с чем не спутаешь, он пробивает даже духи. Окно в спальне приоткрыто, я слышу звук шин по мокрому асфальту. Начинался дождь. Ее туфли от Маноло Бланик небрежно брошены у кровати. Одна стоит, другая лежит на боку. На тумбочке недопитый бокал красного вина, на стенке бокала след от губной помады. Кофейное зерно на дне блюда. Она всегда грызла кофейные зерна. И еще — тиканье часов. Ее дедушкиных часов с боем в гостиной. Когда я вошел, они пробили четверть девятого.

Вера застыла. Кофейное зерно в блюде. Этой детали не было ни в одном протоколе осмотра места происшествия. Она знала их наизусть, она изучила все до последней запятой. Там были описаны бокал, туфли, положение тела. Но блюде? Нет. Это была либо ложь, которую невозможно проверить, либо... правда. Правда человека, который действительно был в той комнате, а не просто заучил фабулу дела. Она почувствовала легкое головокружение.

— Откройте глаза, — сказала она, возвращаясь в кресло. Ей нужно было вернуть контроль.

Он открыл глаза и посмотрел на нее все с той же полуулыбкой. Но теперь в его взгляде появилось что-то новое. Теплота? Благодарность? Словно он понял, что она заметила эту деталь и что ее профессиональное чутье среагировало

правильно.

— Я не убивал ее, доктор Калинина. Я знаю, что вы не верите мне до конца. Ваш разум ученого сопротивляется. Но ваша интуиция? Ваше женское чутье? Неужели оно молчит?

Вопрос был поставлен ребром. Он бил в самое уязвимое место, туда, где профессионал заканчивался и начиналась женщина. Вера сжала пальцами подбородок, жест, который всегда выдавал ее волнение. Как он смеет? Как он смеет влезать под кожу с такой хирургической точностью? Он пользовался теми же методами, что и она, — эмпатией, чтением микроэкспрессий, построением гипотез о ее внутреннем мире. Зеркалил ее. Это было жутко и завораживающе.

— Моя интуиция — всего лишь результат многолетнего клинического опыта, Артур Давидович. Не более, — отрезала она. — И сейчас она подсказывает мне, что вы блестящий актер. Но мы здесь не для того, чтобы восхищаться вашими талантами. Мы здесь, чтобы установить ваше психоэмоциональное состояние на момент преступления. А для этого мне нужно, чтобы вы перестали играть и начали говорить правду. Даже если она неудобная.

— Правду? — он вдруг подался вперед. Расстояние между ними сократилось до полутора метров. Вера почувствовала исходящий от него жар, смешанный с запахом казенного мыла и чего-то еще, мускусного, мужского. — Правда в том, что каждую ночь я засыпаю и вижу ее лицо. Но не мертвое. Живое. Я вижу, как она смеется, как запрокидывает голову,

обнажая шею. И я просыпаюсь от ужаса, потому что в этом сне я хочу ее поцеловать, а вместо этого мои руки сжимаются на ее горле. Это то, что вы хотите услышать? Что я монстр? Да, я монстр, но только в своих снах. Наяву я — жертва обстоятельств, трус, который не мог бросить женщину, сделавшую мою жизнь адом.

Его дыхание участилось. Глаза потемнели, янтарь стал почти черным. Это была либо гениальная имитация аффективного всплеска, либо настоящий прорыв подавленных эмоций. Вера сидела неподвижно, как скала. Ее учили, что лучшая реакция на эмоциональный выплеск пациента — это спокойное принятие. Контейнирование. Она должна быть тем сосудом, куда можно слить всю эту боль. Но внутри у нее все дрожало.

— Спасибо за эту откровенность, — мягко сказала она. — Расскажите мне об этих снах подробнее.

До конца сессии оставалось двадцать минут. Они проговорили их на одном дыхании. Артур описывал свои сновидения с такой образностью и трагизмом, что это походило на исповедь. Вера слушала, записывала и анализировала. Постепенно волна его эмоций спала, и он снова превратился в того светского, ироничного человека, который вошел в кабинет час назад. Трансформация была поразительной.

— Наше время подходит к концу, — произнесла Вера, чувствуя одновременно облегчение и досаду. — Я хочу дать вам домашнее задание. Попробуйте написать Ирине письмо.

Прямо здесь и сейчас. Не мне, а ей. Скажите то, что не успели или не могли сказать при жизни. Это может помочь вытащить заблокированные эмоции.

Она пододвинула к нему чистый лист бумаги и ручку. Артур посмотрел на лист, потом на нее.

— Это новый метод, доктор? — спросил он с легкой усмешкой. — Незаконченный гештальт?

— Это мой метод, — ответила Вера.

Он взял ручку. Его пальцы на мгновение замерли над бумагой, а затем он начал писать. Быстро, размашисто, не задумываясь. Через три минуты он поставил точку и подвинул лист к ней.

— Прочтите. Это не против правил?

Вера колебалась лишь секунду. Обычно такие задания носят конфиденциальный характер, но он сам дал разрешение. Она взяла лист и пробежала глазами по строчкам. Ее дыхание перехватило.

«Ирина,

Я знаю, что ты не простишь меня за то, что я жив, а ты — нет. Но ты никогда и ничего мне не прощала. Ты требовала мою душу, и я отдал ее тебе, а ты разорвала ее в клочья и смеялась, глядя, как я истекаю кровью. Я ненавидел тебя. Я ненавидел тебя так сильно, что эта ненависть была единственным, что удерживало меня рядом с тобой. Я боялся, что, утратив эту ненависть, я перестану существовать.

Ты была моим кислородом, отравленным, но необходимым. И я до сих пор не знаю, кто убил тебя. Но иногда я думаю, что это был я. Потому что кто-то же должен был освободить нас обоих. Кто-то должен был разорвать этот порочный круг. Прощай. Я больше не люблю тебя. И это самое страшное, что я мог тебе сказать.

Артур».

Вера подняла глаза от листа. В горле у нее стоял ком. Это было самое безумное, самое жестокое и самое честное письмо, которое она когда-либо читала. Или это была самая изощренная манипуляция из всех, с которыми она сталкивалась. Она посмотрела на Артура. Он ждал ее вердикта, и в его глазах она впервые прочитала не игру, не вызов, а странную, обнаженную надежду. На что он надеялся? На то, что она поверит ему? Или на то, что она, как и Ирина, испугается и сбежит?

— Это... очень сильный текст, — произнесла она, стараясь сохранить нейтралитет.

— Я знаю, что вы чувствуете, — тихо сказал он, не сводя с нее глаз. — Вы чувствуете, что теряете объективность. Что я прорастаю в вас, как корни дерева прорастают в трещины асфальта. Вам страшно. И этот страх делает вас живой, Вера Андреевна. Впервые за долгое время — живой.

Он назвал ее по имени-отчеству, но интонацией выделил имя — Вера. Прозвучало это как самое интимное об-

ращение. Она хотела одернуть его, поставить на место, но в этот момент дверь открылась, и вошел конвоир. Сессия была окончена.

Артур встал, не дожидаясь команды. Он сам протянул руки, на которые защелкнулись наручники. Уже у двери он обернулся и посмотрел на нее последним, долгим взглядом.

— До следующей встречи, доктор. Берегите себя. Сегодня скользко.

И вышел. Вера осталась одна в кабинете. Тишина звенела в ушах. Она взяла стакан с водой. Рука дрожала. «Что это было?» — спросила она себя, глядя на свое отражение в темном стекле шкафа. Она, та самая Вера Калинина, которую называли «снежной королевой» пенитенциарной психологии, сейчас выглядела как испуганная студентка на первом свидании. Он победил в этой дуэли. Он вскрыл ее, как консервную банку, и заглянул внутрь. И что он там увидел? Ей самой было страшно это узнавать.

Она достала из сумочки телефон. Экран засветился, показывая пропущенные уведомления. Сообщение от матери: «Верочка, ты не забыла, что в субботу у папы юбилей?» Поздравление с 23 февраля от коллеги. И фотография в новостной ленте: улыбающиеся пары на катке. Чужая, параллельная жизнь. Ее жизнь была здесь, в этой комнате с приглушенным светом, рядом с человеком, чью виновность или невиновность ей еще предстояло разгадать.

Вера посмотрела на пустое кресло напротив. На подло-

котнике, там, где лежала его рука, осталась едва заметная вмятина на обивке. Ей захотелось подойти и прикоснуться к ней. Проверить, сохранило ли кресло его тепло. Она одернула себя. «Синдром чужого тепла», — мелькнула в голове циничная мысль. Так на профессиональном жаргоне называли феномен, когда одинокий человек привязывается к любому, кто проявляет к нему видимость участия, пусть даже это серийный убийца. Но тут же другой, внутренний голос, которому она запрещала звучать, прошептал: «А что, если это не синдром? Что, если это и есть настоящая жизнь, которую ты от себя прятала?»

Она резко встала, собрала бумаги и, не взглянув больше на опустевшее кресло, вышла из кабинета. Впереди был долгий путь домой, анализ письма и целая неделя до следующей встречи. Неделя, чтобы собрать себя по кускам и подготовиться к новой битве. Или к новой капитуляции. Она еще не знала.

Глава 2. Тень на балконе

Квартира Веры Андреевны Калининой находилась на пятнадцатом этаже сталинской высотки на Котельнической набережной. Это была наследственная жилплощадь, доставшаяся ей от деда, известного советского психиатра, чей портрет до сих пор висел в актовом зале Института имени Сербского. Квартира была велика для одного человека, но Вера никогда не испытывала желания съехать или разменять ее. Ей нравилось это пространство, наполненное историей, запахом старых книг и особым, густым воздухом, какой бывает только в домах с высокими потолками и вековой лепниной. Здесь было где дышать. И здесь было где прятаться от мира.

В тот вечер, вернувшись из колонии, она долго стояла в прихожей, не в силах заставить себя включить свет. Сумка соскользнула с плеча и упала на дубовый паркет с глухим стуком. Пальто она сняла, но повесить его в шкаф не смогла — просто перебросила через спинку антикварного стула, что было для нее вопиющим нарушением собственного перфекционизма. Вера прошла в гостиную, не разуваясь, и остановилась у огромного, во всю стену, окна. Москва лежала перед ней, усыпанная миллионами огней. Яуза черной лентой огибала высотку, вдалеке мерцали звезды кремлевских башен. Красивый, равнодушный город. Она прижалась лбом к холодному стеклу, чувствуя, как жар, бушевавший внутри,

медленно отступает, побежденный стужей февральской ночи.

«Вы чувствуете, что я прорастаю в вас, как корни дерева прорастают в трещины асфальта».

Его голос до сих пор звучал в ушах. Не просто как воспоминание, а как физическое присутствие, словно Артур Штерн стоял за ее спиной, дышал в затылок. Вера резко обернулась. Гостиная была пуста. Только тени от уличных фонарей колыхались на стенах, создавая причудливый театр. Она усмехнулась собственной нервозности. Профессор Калинина, светило криминальной психологии, боится теней в собственной квартире. Дожилась.

Она заставила себя пройти на кухню, достать из холодильника початую бутылку белого вина и налить полный бокал. Вино было кисловатым, но освежающим. Сделав несколько глотков, Вера почувствовала, как напряжение в плечах немного отпускает. Она вернулась в гостиную, села в свое любимое кресло — старое, вольтеровское, с продавленной спинкой, помнившей еще ее деда, — и уставилась на папку с делом Штерна, которую принесла с собой. Папка лежала на журнальном столике и, казалось, пульсировала, как живое существо, требуя внимания. Но Вера не могла заставить себя открыть ее. Не сейчас.

Вместо этого она взяла телефон и набрала номер. Гудки шли долго, тягуче. Наконец, на том конце провода раздался сонный, недовольный голос:

— Калинина, у тебя совесть есть? Первый час ночи.

Это был Олег Михайлович Гушин, ее бывший научный руководитель, а ныне — заведующий кафедрой криминальной психологии и по совместительству единственный человек, которому Вера могла доверить свои профессиональные сомнения. Ему было под шестьдесят, он был ворчлив, циничен и обладал энциклопедическими знаниями о темных уголках человеческой души. Их отношения давно переросли формат «учитель — ученица» и стали чем-то похожим на дружбу, замешенную на сарказме и взаимном уважении.

— Олег Михалыч, простите ради бога, — Вера потеряла переносицу. — Но вы мне нужны. Срочно.

— Срочно — это когда пожар или труп, — проворчал Гушин. — А у тебя что? Опять твой архитектор-душитель спать не дает?

Вера промолчала. Это молчание было красноречивее любых слов. На том конце провода послышался тяжелый вздох, шорох одеяла и звук зажигаемой спички. Гушин закурил, что означало высшую степень его вовлеченности.

— Ну, рассказывай, — сказал он уже другим, более мягким тоном. — Что он сегодня сотворил?

— Он написал письмо своей убитой невесте, — ответила Вера, глядя на темный экран телевизора, в котором отражался ее собственный силуэт. — И дал мне его прочесть.

— И что же? Сопли в сахаре? Манипулятивная дрянь?

— В том-то и дело, что нет. Это было... — она запнулась,

подбирая слово. — Опустошающе честно. Слишком честно. Там была ненависть, боль, признание своей зависимости. И знаете, что самое страшное? Я почувствовала, что начинаю ему верить.

Гущин хмыкнул. В трубке раздалось шипение выдыхаемого дыма.

— Вер, я тебя двадцать лет знаю. Ты — лучший диагност из всех, кого я учил. Если ты что-то чувствуешь, это не просто так. Но именно это меня и пугает. Ты же помнишь случай с Петренко?

Вера помнила. Петренко был серийным насильником, которого она консультировала семь лет назад. Тогда она тоже начала сомневаться, тоже видела в его глазах проблески раскаяния. А потом он вышел по условно-досрочному и через месяц совершил новое преступление. Вера тогда чуть не ушла из профессии. Именно Олег Михайлович вытаскивал ее из той ямы, заставлял не бросать практику, доказывая, что ошибки — это часть пути.

— Помню, — тихо сказала она.

— Так вот, сходство есть, но есть и отличие. Петренко был примитивным хищником, а этот твой Штерн — зверь высокоорганизованный. А с такими, знаешь ли, сложнее всего. Их интеллект становится их оружием. Он зеркалит тебя, подстраивается, говорит то, что ты хочешь услышать, но облакает это в форму такой изысканной рефлексии, что ты невольно покупаешься. Ты уверена, что это не перенос?

Переносом в психоанализе называли феномен, когда пациент проецирует на терапевта чувства, которые испытывал к значимым фигурам своего прошлого. Но был и контрперенос — когда терапевт начинает испытывать к пациенту чувства, выходящие за рамки профессиональных. Именно этого Вера боялась больше всего.

— Не знаю, — честно ответила она. — Сегодня он сказал фразу, которая меня подкосила. Он сказал, что мой страх делает меня живой. Впервые за долгое время — живой. И знаете, Олег Михалыч, он прав. Я действительно чувствую себя живой, когда нахожусь с ним в одной комнате. Это как наркотик. Я жду этих сессий. Я готовлюсь к ним не как ученый, а как... — она осеклась, не в силах произнести слово «женщина».

— Плохо дело, — резюмировал Гущин после долгой паузы. — Очень плохо. Ты вляпалась, Вер. И знаешь, что я тебе скажу как друг, а не как коллега? Тебе нужно отстраниться от этого дела.

— Я не могу, — возразила Вера. — Я связана контрактом с его адвокатами. И потом, если он действительно невиновен, то я — его единственный шанс.

— А если виновен? Что, если он именно этого и добивается? Влюбить в себя тюремного психолога, чтобы она, ослепленная чувствами, написала нужное заключение? А когда он выйдет, ты станешь его следующей жертвой? Ты думала об этом?

Конечно, она думала. Эта мысль просыпалась вместе с ней каждое утро и засыпала последней. Она анализировала ее с точки зрения статистики, психопатологии, личностных профилей. Но одно дело — думать, и совсем другое — чувствовать, как холодок ужаса смешивается с горячей волной предвкушения.

— Я буду осторожна, — сказала она, понимая, как жалко это звучит.

— Осторожна она будет, — передразнил Гущин. — Ладно, слушай сюда. Завтра я подниму свои старые связи в следственном комитете. Попробую достать материалы дела, которые не вошли в официальный допуск. Может, там есть что-то, что прольет свет. А ты, будь добра, включи наконец свой знаменитый холодный разум. Отдели зерна от плевел. Чувства — в сейф, логику — на стол. Договорились?

— Договорились, — слабо улыбнулась Вера.

— И еще. Сходи куда-нибудь. В театр, в ресторан, к подруге. Развейся. Твой отшельнический образ жизни до добра не доведет. Когда ты в последний раз была на свидании?

— Олег Михалыч, вам ли не знать, что личная жизнь психолога — это миф?

— Вот только не надо мне тут свои профессиональные мантры читать, — отрезал Гущин. — Ты — молодая, красивая баба. Веди себя соответственно. Все, я спать. Завтра позвоню.

Он отключился, не прощаясь. Вера отложила телефон и

допила вино прямо из бокала, чувствуя, как алкоголь растекается теплом по венам. Гушин был прав во всем. Кроме одного: она не могла просто взять и «развеяться». Весь ее мир сузился до одного человека, до одного дела. Она посмотрела на папку. Нет, не сейчас. Сейчас ей нужно было что-то другое.

Она встала, прошла в спальню и достала из шкафа старый, потертый альбом с фотографиями. Это было ее тайное убежище, ее машина времени. Она листала тяжелые страницы, вглядываясь в лица. Вот ее отец, молодой, смеющийся, держит ее, пятилетнюю, на плечах. Вот мама в купальнике на пляже в Юрмале, счастливая, беззаботная. Вот их дом, старый, деревянный, еще до переезда в Москву. А вот фотография, которую она искала. Университетская вечеринка. Ей двадцать два. Она стоит в обнимку с мужчиной, с которым у нее был первый, отчаянный, глупый роман, закончившийся ничем. Она смотрит на себя тогдашнюю и не узнает. Где та девушка, которая верила в простые истины, в любовь, в счастливый финал? Она исчезла, растворилась в бесконечной череде протоколов, допросов, тестов Роршаха и лицевых дуг Беттса. Ее место заняла та, кто умеет читать ложь по движению зрачка и определять психопатию по холодному тону голоса. Но та, прежняя, похоже, не умерла до конца. Она просто спала. И разбудил ее тот, кому спать было категорически нельзя.

С этой мыслью Вера захлопнула альбом и решительно на-

правилась в ванную. Горячий душ немного привел ее в чувство. Она долго стояла под тугими струями, смывая с себя запах тюремной хлорки и липкое ощущение чужого взгляда. Вытершись жестким полотенцем, она надела любимую пижаму — простую, хлопковую, в синюю полоску — и легла в постель. Но сон не шел. Она ворочалась с боку на бок, пытаясь отключить внутренний монолог. Перед глазами стояло лицо Артура. Вот он сидит в кресле, откинувшись на спинку. Вот его руки с длинными пальцами лежат на подлокотниках. Вот его губы шепчут: «Вы чувствуете...».

Вера застонала и перевернулась на живот, уткнувшись лицом в подушку. Она ненавидела его. Ненавидела за то, что он делал с ней. И в то же время эта ненависть была лишь оборотной стороной чего-то другого, темного и жадного, что просыпалось в ней всякий раз, когда она о нем думала. Она представила себе их следующую встречу. Как она войдет в кабинет. Как он посмотрит на нее. Как они начнут говорить, и каждое его слово будет падать в ее душу, как камень в темный колодец, вызывая круги на воде. Она представила, как он встает с кресла, подходит к ней, сокращая дистанцию до нуля. Как его рука касается ее щеки. Это была опасная игра воображения, и Вера знала, что проигрывает в ней вчистую.

Наконец, около четырех утра, она провалилась в тяжелое, беспокойное забытие. Ей снился странный сон. Она стояла на краю огромного замерзшего озера. Лед был прозрачным и черным, как обсидиан. Под ним, в толще воды, плавали

какие-то неясные фигуры. Она знала, что должна идти по льду, чтобы добраться до противоположного берега, где кто-то стоял и манил ее рукой. Она сделала шаг. Лед треснул под ногами, но выдержал. Она сделала второй, третий. Трещины разбегались от ее шагов во все стороны, образуя причудливый узор. Вдруг она увидела, что фигура на том берегу — это Артур. Он улыбался ей, но улыбка была неживой, застывшей. Он протягивал к ней руки. И тут лед под ней проломился, и она полетела в ледяную воду, которая сомкнулась над головой, не оставив ни единого шанса на спасение. Она пыталась кричать, но вода заполняла рот, горло, легкие...

Вера проснулась от собственного крика. Сердце колотилось, как бешеное. Постель была смята, простыня влажная от пота. За окном занимался серый, мутный рассвет. Она села на кровати, обхватив колени руками. Пять утра. Второе дыхание бессонной ночи. Она поняла, что больше не уснет. Остаток ночи она провела в кресле у окна, закутавшись в плед и глядя, как над Москвой медленно разгорается зимний день.

Утро началось с кофе. Крепкого, черного, без сахара. Вера выпила целую кружку, прежде чем почувствовала себя способной функционировать. День предстоял тяжелый. По расписанию у нее была консультация в Институте, лекция для ординаторов, а вечером — разбор одного сложного случая из Пермской колонии, который ей переслали для экспертного заключения. Но все это теперь казалось суетой, ширмой,

за которой она пряталась от главного — от дела Штерна.

Она оделась особенно тщательно, словно броня могла защитить ее от собственных мыслей. Строгий черный костюм, белая блуза, заколотые на затылке в тугой узел волосы. Никаких украшений, кроме крошечных сережек-гвоздиков. Лицо бледное, под глазами залегли тени. Она подкрасила ресницы и тронула губы нюдовой помадой. Из зеркала на нее смотрела женщина, которую она хорошо знала: собранная, компетентная, холодная. Идеальный профессионал. Но где-то там, в глубине зрачков, пряталась та, другая, которую она видела в старом альбоме. Испуганная, растерянная, живая.

В Институте ее встретил привычный гул. Студенты, ординаторы, коллеги в белых халатах. Все куда-то спешили, размахивали бумагами, обсуждали диагнозы. Вера шла по коридору, кивая знакомым, но не останавливаясь. Ей нужно было в свой кабинет — маленькую комнатку на четвертом этаже, заставленную книгами так, что оставался лишь узкий проход. Там ее уже ждал пациент — молодой человек с обсессивно-компульсивным расстройством, направленный на судебную экспертизу. Скудный, рутинный случай. Ничего общего с тем, что занимало ее мысли. Она провела консультацию на автопилоте, задавая стандартные вопросы, делая пометки в карте. Пациент был благодарным слушателем, но Вера чувствовала раздражение. Его проблемы казались ей мелкими, надуманными. Она одернула себя. Это было еще одним тревожным симптомом. Профессиональное выгора-

ние? Или же контраст был слишком велик? Там, в колонии, она балансировала на лезвии ножа, здесь же — ходила по ровному асфальту. Человеческая психика устроена так, что всегда выбирает бурю вместо штиля, если штиль означает пустоту.

После лекции, которую она прочитала, по обыкновению, блестяще, но без огонька, Вера заперлась в кабинете и наконец позвонила Гущину. Он ответил сразу, словно ждал звонка.

— Ну что, есть новости? — спросила она без предисловий.

— Есть, и они тебе не понравятся, — голос у него был мрачнее обычного. — Я поднял свои старые контакты в МВД. Переговорил с одним отставным опером, который вел это дело. Он сказал мне то, чего нет в официальных бумагах. Штерн, оказывается, проходил свидетелем еще по одному делу. Десять лет назад, в Питере.

— По какому делу? — Вера почувствовала, как внутри все холодеет.

— Девушка, его однокурсница по архитектурному. Покончила с собой, выбросилась из окна общежития. Тогда все списали на несчастную любовь и депрессию. Но соседи по комнате говорили, что она была одержима Штерном, а он ее жестоко отшил. Прямо перед смертью она кричала, что он «выпил ее душу». Дело замяли, родители девушки были простыми людьми, шум поднимать не стали. Но осадочек,

как говорится, остался.

Вера молчала, переваривая информацию. Еще одна женщина, еще одна смерть, и снова рядом — Артур. Совпадение? Она не верила в такие совпадения.

— Это еще не все, — продолжил Гушин. — Тот опер сказал, что Ирина Мезенцева перед смертью обращалась в полицию. Дважды. Хотела написать заявление об угрозах.

— Каких угрозах? — голос Веры дрогнул.

— Физической расправе. Но оба раза забирала заявление, говорила, что сама виновата, что любит его. Классический синдром жертвы. И последнее. За день до убийства она была у нотариуса и составила новое завещание. Все ее имущество отходило какому-то благотворительному фонду, а Штерн из завещания был вычеркнут полностью.

Вера прикрыла глаза. Картина начинала складываться. Артур узнает, что любовница лишает его наследства, приходит к ней, происходит ссора, он убивает ее в припадке ярости... Но что-то в этой картине было не так. Слишком просто. Слишком прямолинейно. Если он так умен, как она думала, разве стал бы он действовать столь грубо? И потом, если он хотел ее денег, зачем было доводить до убийства? Он же понимал, что станет первым подозреваемым. Нет, здесь было что-то другое, какая-то изнанка, которую она пока не видела.

— Олег Михалыч, спасибо за информацию, — медленно произнесла она. — Это многое объясняет, но и многое запутывает.

— Запутывает? — хмыкнул Гушин. — Да тут, по-моему, все яснее ясного. Он — абьюзер, манипулятор и, скорее всего, убийца. Доведал одну девушку до суицида, убил вторую. А третьей можешь стать ты.

— А вот с этого места поподробнее, — Вера почувствовала, как в ней просыпается профессиональный азарт, замешанный на какой-то болезненной обиде. — Почему вы так уверены, что тот случай в Питере — его вина? Может, у девушки действительно была депрессия? Это частая история в студенческой среде.

— Вер, ты его адвокат или психолог? — Гушин повысил голос. — Ты должна быть объективной, а ты ищешь ему оправдания! Ты сама слышишь себя со стороны? Это же классический контрперенос, причем в самой опасной его форме — эротизированной.

— Я не ищу ему оправданий! — вспыхнула Вера. — Я просто хочу докопаться до истины! Истина, Олег Михалыч, это то, чему нас учили. А не слепая вера в полицейские протоколы.

В трубке повисла тяжелая пауза. Вера понимала, что перегнула палку, нагрубила человеку, который искренне за нее переживал.

— Простите, — сказала она, смягчившись. — Я не должна была срывать. Просто это дело... оно слишком личное для меня. Я не знаю почему.

— Потому что ты одна, — жестко ответил Гушин. — По-

тому что твоя личная жизнь — это работа, а работа — это сплошные монстры и маньяки. И когда появляется монстр с умными глазами и бархатным голосом, ты, изголодавшаяся по нормальному общению, принимаешь его манипуляцию за любовь. Это элементарная психогигиена, Вер. Тебе нужен мужик. Настоящий. Живой. Теплый. А не этот... фантом в тюремной робе.

Слова были грубыми, но Веру они странным образом отрезвили. Гушин говорил то, что она сама боялась себе сказать.

— Я подумаю над вашим советом, — сухо ответила она.
— А сейчас мне нужно работать.

Она положила трубку, не дожидаясь ответа. Разговор оставил горький осадок. Гушин, при всем своем опыте и проницательности, смотрел на ситуацию слишком плоско. Он видел только факты: две мертвые женщины, один подозреваемый. Но Вера знала, что человеческая душа — это не уравнение с одним неизвестным. Там есть еще множество переменных, которые нужно учитывать.

Она достала из портфеля папку с делом Штерна и наконец открыла ее. На этот раз она решила смотреть не на сухие строки протоколов, а на фотографии. Фотографии с места преступления, которые она изучала уже десятки раз. Она разложила их на столе, как пасьянс, и склонилась над ними. Вот спальня Ирины Мезенцевой. Кровать с измятым бельем. Тело на полу, в неестественной позе. Лицо закрыто просты-

ней, но видна рука с обломанными ногтями. На шее — след странгуляционной борозды от шелкового шарфа. Вот крупный план шарфа. Шарф был завязан сложным узлом, почти морским. Вера взяла лупу и снова, в сотый раз, вгляделась в узел. Он был затянут на затылке жертвы, концы шарфа свободно свисали. И вдруг она заметила то, на что раньше не обращала внимания. Узел был двойным, но завязан он был так, что основное давление приходилось на левую сторону шеи. Асимметричный узел. Так обычно душат левши.

Вера откинулась на спинку стула. В материалах дела значилось, что Артур Штерн — правша. Это было зафиксировано в его медицинской карте, это подтверждал его адвокат. Если убийца — левша, то Артур не мог задушить Ирину. Или мог, но это было бы крайне неудобно, и характер повреждений на шее был бы иным. Она снова схватила телефон и набрала номер Гущина.

— Олег Михалыч, простите, что снова беспокою. Но у меня вопрос: в деле есть информация, что Ирина была левшой?

— Левшой? — Гущин задумался. — Кажется, да. В одном из протоколов допроса ее матери упоминалось, что дочь с детства переучивали, но она все равно все делала левой. А что?

— Узел на шарфе. Он завязан на левую сторону. Левша задушил бы именно так. Артур — правша. Это может быть важной деталью.

— Или это может быть инсценировкой, — парировал Гу-

щин. — Если он так умен, как ты думаешь, он мог нарочно завязать узел левой рукой, чтобы отвести подозрения.

— В состоянии аффекта? — усомнилась Вера. — Когда adrenaline зашкаливает, когда вокруг крики, шум? Вряд ли человек способен на такие холодные расчеты.

— Он — не просто человек, Вер. Он — психопат, помни об этом.

— Вот именно поэтому мне нужно с ним встретиться еще раз. И как можно скорее. Я запрошу внеплановую сессию.

— Ты сумасшедшая, — резюмировал Гущин. — Но я знаю, что тебя не остановить. Просто будь аккуратна. И не делай глупостей.

Он отключился. Вера сидела над фотографиями, и ее сердце колотилось в каком-то странном, лихорадочном ритме. Она нашла зацепку. Пусть крошечную, но зацепку, которая могла означать, что Штерн говорил правду. Или, напротив, эта зацепка могла быть искусно расставленной ловушкой, в которую она с радостью шла. Кто же он? Жертва или хищник? Невинный мученик или гениальный актер? Ответ мог дать только он сам.

Вера решила не ждать следующей недели. Она позвонила в администрацию колонии и, используя свои связи и статус, договорилась о внеочередном посещении на завтрашнее утро. Чиновник на том конце провода был удивлен, но препятствовать не стал — имя Калининой имело вес в этих кругах. Положив трубку, она почувствовала одновременно

страх и возбуждение. Она увидит его завтра. Всего через несколько часов. И на этот раз она будет во всеоружии.

Остаток дня прошел как в тумане. Вера механически выполняла свою работу, отвечала на письма, подписывала документы, но мысли ее были далеко. Она репетировала предстоящий разговор, прокручивала в голове вопросы, которые задаст, реакции, которые он может выдать. Она готовилась к поединку, понимая, что ставка в этом поединке — не только ее профессиональная репутация, но и нечто гораздо более личное. Ее рассудок. Ее сердце. Возможно, ее жизнь.

Вечером, вернувшись домой, она не стала ужинать. Аппетита не было. Вместо этого она переоделась в спортивный костюм и впервые за долгое время вышла на пробежку вдоль набережной. Морозный воздух обжигал легкие, ветер хлестал по лицу, заставляя глаза слезиться. Она бежала быстрым, неровным темпом, словно пытаясь убежать от самой себя, от своих навязчивых мыслей. Набережная была пустынна, только редкие прохожие, укутанные в шарфы, спешили по домам. Она бежала мимо спящих кораблей, пришвартованных к причалам, мимо темных громад мостов, мимо светящихся окон, за которыми текла чужая, неведомая ей жизнь. Жизнь, в которой не было места преступлениям, манипуляциям и смертельным играм разума. Жизнь, о которой она когда-то мечтала.

Пробежка не помогла. Физическая усталость не принесла душевного покоя. Вернувшись в квартиру, она долго стоя-

ла под контрастным душем, чередуя ледяную и горячую воду, пытаясь привести нервы в порядок. Потом заварила себе травяной чай и села к окну. Спать не хотелось. Она знала, что ночь будет бессонной. Слишком много мыслей роилось в голове.

Она снова и снова прокручивала в памяти их последнюю встречу. Его голос, его жесты, его взгляд. Письмо, написанное им. Это странное, разрывающее душу признание в любви и ненависти. Он дал ей его прочесть, он не побоялся открыться перед ней. Или это тоже было частью игры? Где заканчивалась правда и начинался театр?

Внезапно ей в голову пришла идея. Она подошла к книжному шкафу и достала с полки тяжелый том — «Диагностическое и статистическое руководство по психическим расстройствам». Открыла главу, посвященную диссоциальному расстройству личности. То, что в народе называют психопатией. Она знала эту главу почти наизусть, но сейчас ей нужно было свериться с критериями. «Неспособность соблюдать социальные нормы», «склонность к обману и манипулированию», «импульсивность», «раздражительность и агрессивность», «безрассудное пренебрежение безопасностью», «безответственность», «отсутствие раскаяния». Она мысленно прикладывала каждый пункт к Артуру. Подходил ли он под это описание? Да, безусловно. Но были нюансы. Он не был импульсивным, напротив, каждое его действие было выверено и продумано. Он не был агрессивен в привычном

смысле, скорее — пассивно-агрессивен, что говорило о высоком интеллекте. И, самое главное, раскаяние. Он говорил о нем, он писал о нем. Пусть это раскаяние было смешано с ненавистью, пусть оно было амбивалентным, но оно присутствовало. А настоящий психопат не способен на раскаяние по определению, для него это пустой звук, слово, лишенное внутреннего смысла.

Вера захлопнула книгу. Сухие диагностические критерии не давали ответа. Она имела дело с пограничным случаем, с личностью, которая не укладывалась в прокрустово ложе стандартных классификаций. И именно это делало его таким опасным. И таким притягательным.

Она снова посмотрела на часы. Полночь. До встречи с ним оставалось десять часов. Десять часов ожидания, сомнений, страхов. Она прошла в спальню и легла, не выключая свет. Ей было страшно оставаться в темноте наедине со своими мыслями. Она лежала, глядя в потолок, и прислушивалась к звукам дома. Где-то наверху играла музыка, слышались приглушенные голоса. За окном шумел ветер. Квартира жила своей жизнью, наполненная шорохами и тенями. Вера вдруг остро почувствовала свое одиночество. Оно было почти физическим, как холод, пронизывающий до костей. Она обняла подушку, свернулась калачиком, пытаясь согреться. Но тепло не приходило.

Тогда она позволила себе то, что запрещала все эти дни. Она позволила себе думать о нем не как о пациенте, не как

об объекте исследования, а как о мужчине. О его голосе, о его руках, о его глазах. Она вспомнила тот миг, когда он подался вперед и расстояние между ними сократилось до минимума. Она вспомнила жар, исходящий от его тела, и свой собственный, ответный жар. Что было бы, если бы конвоир не вошел? Что было бы, если бы она позволила себе просто быть женщиной, а не доктором в белом халате? Эти мысли были запретными, опасными, разрушительными. Но именно они, как ни странно, принесли ей успокоение. Она перестала бороться с собой и провалилась в сон — глубокий, черный, без сновидений.

Утро встретило ее ярким солнцем и голубым небом, что было почти оскорблением для ее мрачного настроения. Она встала с тяжелой головой, но с ясным пониманием того, что должна сделать. Холодный душ, крепкий кофе и полчаса медитации, чтобы очистить разум. Она не будет больше жертвой своих эмоций. Она возьмет их под контроль. Она войдет в этот кабинет не как влюбленная дура, а как профессионал. Она задаст ему прямой вопрос. И по его реакции поймет, кто он на самом деле.

Она выбрала одежду, которая была ее доспехом: строгий брючный костюм графитового цвета, водолазка с высоким горлом, минимум косметики. В таком виде она была неуязвима. Она вызвала такси и поехала в колонию, глядя на проплывающий за окном город. Город, который ничего не знал о ее внутренней войне.

Знакомый коридор, знакомый запах хлорки, знакомый лейтенант с румянцем на щеках. Все повторялось, как в заезженной пластинке, но на этот раз музыка была другой. В кабинет она вошла первой и не села, а осталась стоять у окна, спиной к двери. Она хотела видеть его реакцию с первой же секунды, как только он переступит порог.

Дверь открылась. Она услышала шаги, звяканье наручников, тяжелое дыхание конвоира.

— Вера Андреевна, — произнес Артур. В его голосе было удивление, смешанное с радостью. — Я не ожидал увидеть вас так скоро. Признаться, я считал дни до нашей следующей встречи. Неужели вы тоже скучали?

Она медленно повернулась к нему лицом. Взгляд ее был холоден и остер, как скальпель.

— Здравствуйте, Артур Давидович. Оставьте свои светские любезности. У меня к вам очень серьезный разговор.

Она посмотрела на конвоира, давая понять, чтобы тот удался. Когда дверь за ним закрылась, она жестом пригласила Артура сесть. Он повиновался, но в его движениях появилась настороженность. Он чувствовал, что что-то изменилось.

— Я изучила материалы дела, — начала Вера, садясь напротив и глядя ему прямо в глаза. — Включая те, что не вошли в официальный допуск. Десять лет назад, в Санкт-Петербурге, девушка по имени Елена Свиридова, ваша однокурсница, покончила с собой. Перед смертью она говорила,

что вы «выпили ее душу». Что вы можете сказать по этому поводу?

Артур побледнел. Это была не актерская бледность, а мгновенный отлив крови от лица, который невозможно подделать. Его кадык дернулся.

— Лена... — тихо произнес он, и в этом имени было столько боли, что Вера на мгновение опешила. — Это моя самая большая вина.

— Вина? — переспросила Вера. — Вы признаете, что довели ее до самоубийства?

— Я признаю, что был молод, глуп и жесток, — ответил он, опустив глаза. — Она действительно была влюблена в меня. А я... я был увлечен другой. Лена была красивой, но тихой, незаметной. Я не замечал ее чувств, а когда заметил, было уже поздно. Она стала преследовать меня. Приходить под окна, писать письма, звонить по ночам. Я разозлился. Я наговорил ей ужасных вещей. Я сказал, что она жалкая, что я никогда не посмотрю на такую, как она. Я выплеснул на нее весь свой юношеский цинизм. А через неделю она выбросилась из окна.

Он замолчал. В комнате повисла тишина, такая плотная, что ее можно было резать ножом. Вера смотрела на него, пытаясь прочесть истинные эмоции за этими словами. Она видела стыд. Видела горечь. Видела сожаление.

— Это было... ужасно, — продолжил он. — Я не спал несколько месяцев. Я винил себя. Я и сейчас виню. Но это не

было убийством, доктор. Это была трагическая случайность, помноженная на мою душевную глухоту.

— А Ирина Мезенцева? — резко перебила его Вера. — Она обращалась в полицию с заявлением об угрозах. Она переписала завещание за день до смерти, лишив вас наследства. И в тот же день вы пришли к ней домой. Удобная хронология, не находите?

Артур поднял на нее глаза, и в них полыхнул гнев.

— Вы думаете, я убил ее из-за денег? — в его голосе зазвенел металл. — Вы, как и все остальные, меряете меня по своим меркам. Да, я знал о завещании. Она сама сказала мне об этом по телефону в тот день. Сказала, чтобы сделать мне больно. Чтобы я понял, что теряю ее навсегда. И я приехал, чтобы умолять ее не делать этого. Не из-за денег, плевать мне на деньги! Я приехал, чтобы умолять ее не разрушать то последнее, что между нами было!

Он почти кричал. Его руки, лежащие на подлокотниках, сжались в кулаки, костяшки побелели. Это была либо гениальная игра, либо искренний взрыв эмоций, который наконец прорвал его обычную ироничную защиту.

— И вы хотите, чтобы я поверила, что вы, с вашим умом и хладнокровием, просто сидели и смотрели, как вас лишают миллионов? — холодно спросила Вера. Она нарочно провоцировала его, загоняла в угол, смотрела, как он будет выкручиваться.

— А вы хотите знать правду? — внезапно спросил он, по-

низив голос. — Настоящую правду, о которой я не говорил никому?

Вера кивнула, чувствуя, как сердце начинает биться где-то у горла.

— Я не убивал ее. Но я знаю, кто это сделал, — сказал Артур, глядя ей прямо в душу. — Это сделала она сама. С помощью того, кто был одержим ею так же, как она была одержима мной.

Он замолчал, переводя дыхание. Каждое слово давалось ему с трудом.

— У Ирины был еще один мужчина. Не любовник, нет. Хуже. Ее личный сталкер, ее тень. Она никогда не называла его имени, но использовала его, чтобы манипулировать мной. Она говорила: «Смотри, Артур, есть тот, кто ради меня готов на все. А ты — ничтожество». Я смеялся над этим, думал, она выдумывает. Но за неделю до смерти она призналась мне, что этот человек реален, что он угрожает ей, что он невменяем. Она сказала, что боится его, но в то же время он дает ей чувство власти. Вот почему она пошла к нотариусу. Она хотела порвать со мной и начать новую жизнь, но знала, что этот сталкер не отпустит ее. Она была в ловушке, из которой не видела выхода.

Вера слушала, затаив дыхание. Эта версия переворачивала все с ног на голову. Если существовал третий человек, одержимый Ириной, то он и мог быть убийцей. Его мотив — ревность, страсть, невозможность обладать.

— Почему вы не сказали этого на следствии? — спросила она.

— Потому что у меня не было доказательств, — ответил Артур с горечью. — Я не знаю его имени, я никогда его не видел. Только тень на балконе ее квартиры однажды, силуэт в толпе. Я пытался рассказать адвокату, но он сказал, что это звучит как дешевая отговорка, что мне никто не поверит. И он был прав. Вы бы поверили мне на месте присяжных? Убитый горем любовник, который вдруг вспоминает о мифическом сталкере?

Вера не отвечала. Она пыталась переварить услышанное. Тень на балконе. Слова, которые он написал в письме. «Кто-то должен был освободить нас обоих». Может быть, он знал, что этот кто-то существует? Или это была новая, еще более изощренная ложь?

— Вы понимаете, что я буду проверять каждое ваше слово? — спросила она наконец.

— Понимаю, — кивнул он. — И я прошу вас об этом. Проверяйте. Найдите этого человека. Докажите, что я не чудовище. Докажите, что я тот, за кого вы меня... принимаете.

Он запнулся на последнем слове, и Вера поняла, что он хотел сказать другое. «Тот, кем вы меня чувствуете». «Тот, в кого вы... влюблены». Слова повисли в воздухе, произнесенные, но оглушительно громкие.

— Я не принимаю вас ни за кого, — отрезала она, вставая. — На сегодня сессия окончена.

Она нажала кнопку вызова конвоира. Артур тоже встал, не сводя с нее глаз.

— Вы вернетесь? — спросил он тихо. В этом вопросе было столько обнаженной надежды, что у Веры перехватило дыхание.

— Да, — ответила она, не оборачиваясь. — Я вернусь, когда у меня будут факты. А пока — ни слова больше.

Когда дверь за ним закрылась, она рухнула в кресло, чувствуя, как дрожат ноги. Она получила больше, чем ожидала. Гораздо больше. Теперь у нее была зацепка. Призрачный сталкер, тень на балконе, человек, которого, возможно, не существовало в природе. Но если он существовал, то это полностью меняло картину. Это означало, что Артур говорит правду. И это означало, что ее влечение к нему имеет под собой не только темную, инстинктивную основу, но и реальную, человеческую. Что он — не монстр. Что она имеет право его... любить?

Она откинула голову на спинку кресла и закрыла глаза. На нее навалилась чудовищная усталость. Она знала, что следующие дни будут посвящены поискам человека-фантома. Она подключит все свои связи, в том числе и неофициальные, чтобы найти хоть какое-то подтверждение словам Артура. Это был опасный путь. Он мог завести ее в тупик, разрушить карьеру, разбить сердце. Но это был единственный путь, который у нее оставался.

Открыв глаза, она посмотрела на картину Куинджи на сте-

не. Лунный свет по-прежнему размывал границы между реальностью и миражом. И она по-прежнему не знала, на каком берегу этой зачарованной реки находится сама.

Глава 3. Следы на стекле

Остаток недели после внеплановой сессии Вера Андреевна Калинина провела в состоянии, близком к одержимости. Если раньше она пыталась бороться со своим интересом к Артуру Штерну, то теперь дала этому интересу легальное, профессиональное русло. Она искала подтверждение его словам. Искала тень. Человека, который, по версии осужденного, был настоящим убийцей Ирины Мезенцевой. Это было похоже на охоту за привидением, но именно эта охота давала ей ощущение контроля над ситуацией. Она больше не была пассивной жертвой своих эмоций. Она действовала.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.